

СПЕЦИФИКА ЭСКАПИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Ш. Гусейнов¹

В статье с позиций междисциплинарного подхода обсуждается специфика эскапизма в контексте протестной активности, отмечается его противоречивость и многоплановость. Особое внимание уделяется пониманию психологических механизмов эскапизма как средоточия внутриличностного, интересубъектного и макросоциального конфликта, направленного не на разрушение, а на деконструкцию бытийного пространства.

Ключевые слова: протест, эскапизм, конфликт, самореализация, субъектность.

Huseynov S. Specificity of escapism in the context of personal protest activity

It is discussed in the article within the limits of interdisciplinary approach specifics of escapism in the context of protest activity; its contradictoriness and diversity are noted. Particular attention is paid to understanding the psychological mechanisms of escapism as a centre of the intrapersonal, intersubject and macrosocial conflict aimed not at destruction, but at deconstruction of existential space.

Key words: protest, escapism, conflict, self-actualization, subjectness.

Продолжающаяся глобализация подвергает интенсивной трансформации все сферы жизни человеческого общества: духовную, социально-экономическую, политическую. Новый этап глобализации вызывает качественно новые явления, например, феномен виртуализации, способствующий дегуманизации экономики, нарушающий онтологические законы и деформирующий личность современного человека и социум. В связи с этим в междисциплинарном дискурсе продолжают острейшие дискуссии о вероятностных эффектах технизации общества, все меньше места оставляющих контролю над реальностью [1; 8; 11], а также о способах существования и месте человека в стремительно изменяющемся мире [6; 18].

Одной из форм протестного реагирования на интенсивные социокультурные изменения, показательным симптомом системного неблагополучия во взаимодействии личности с социумом, личности с государством является эскапизм. Несмотря на то что эскапизм встроен в ткань современной куль-

¹ Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Краснодарского государственного университета физической культуры, сервиса и туризма. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

туры, как психологический конструкт он недостаточно исследован, нет однозначного понятийного толкования сущности эскапизма, ощущается дефицит эмпирических исследований феномена. Внутренние и внешние противоречия, вынуждающие человека делать выбор в пользу эскапизма, также до конца не изучены. Парадоксально, что эскапистские формы поведения свойственны преимущественно молодому поколению, от которого общество ждет творческой активности в области культуры, в решении глобальных проблем цивилизации.

Обращение к содержанию слова «эскапизм» обнаружило неоднозначность трактовок. Большой российский энциклопедический словарь эскапизм, эскейпизм (от англ. *escape* — бежать, спастись) трактует как стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения [3, с. 1851].

Идеографический словарь дает два толкования «*escape*»: 1) избавление, спасение; 2) средство забыться, уйти от действительности [22, с. 176]. Интересна интерпретация термина как «ускользнуть от внимания», «невозможность вспомнить» [22, с. 58], где прослеживается, на наш взгляд, действие защитных механизмов (вытеснение). Встречается и иная трактовка слова, акцентирующая внимание на политической пассивности, при этом эскапизм рассматривается как социальное явление, для которого характерно стремление индивида или части социальной группы уйти от общепринятых стандартов общественной жизни [2].

Проведенный нами теоретический анализ показал, что допустимо применительно к психологической феноменологии использовать понятия «эскапизм», «бегство» и «уход» как синонимы, поскольку в смысловом отношении они тесно связаны с понятиями отчуждения, отстраненности, смыслоутратой, неприятием.

С. А. Рубинштейн считал, что на высших уровнях организации правомерно говорить не о движении, а о способе существования. Исходя из этого тезиса, эскапизм целесообразно рассматривать как специфический способ существования, во многом обусловленный протестной активностью личности. Понятие способа существования, согласно его взглядам, дает возможность соединить сущность с ее бытием, существованием. Реализуя онтологический подход, С. А. Рубинштейн отмечает специфику человеческого способа существования, выраженную в двух его формах: 1) поглощенность непосредственными связями, дискретность в отношении к жизни; 2) осмысленная и ответственная позиция, связанная с появлением рефлексии, позволяющая выйти за пределы ситуации [6, с. 351-352].

Г. Ю. Фоменко, опираясь на данное положение С. А. Рубинштейна, уточняет, что предпочитаемый личностью способ существования определяется особенностями процесса и характера разрешения ею системы внутритипологических

противоречий, противоречий в личностных бытийных пространствах, а также экзистенциальных [19].

Обращение к историческому экскурсу эскапизма убеждает нас в том, что феномен существовал и раньше, изменяя в историческом времени свою форму, но не протестную сущность. В период античности философы, демонстрируя разные формы ухода от действительности, выражали протест против невежества сограждан и аморальности нравов, несправедливости законов и порядков. Гераклит Эфесский в знак протеста против изгнания его друга Гермодора отказался от участия в общественной жизни города, отрекся от титула царя и стал отшельником. Диоген, несогласный с нравами, выбрал экзотический способ проживания, а Менедем в ответ на клевету и несправедливое обвинение лишил себя жизни в семидневной голодовке. Сократ, демонстрируя стойкую верность своим убеждениям и протестуя против нелепых обвинений, отказался заменить смерть изгнанием. Аристотель, протестуя против политики Александра Македонского, лишил себя жизни. М. Ганди успешно использовал в борьбе за независимость Индии кампании гражданского неповиновения, часто сопровождавшиеся драматическими массовыми голодовками со смертельными исходами. Философы понимали, что только кардинальными способами можно вызвать общественный резонанс и трансформировать социальную среду. В последнее время такие способы вновь возрождаются, о чем свидетельствует поступок французского писателя Д. Веннера, застрелившегося в кафедральном соборе Нотр-Дам-де-Пари на глазах у верующих. Протестуя против принятия закона, легализующего усыновление детей гомосексуалистами, и усиления исламистского влияния во Франции, писатель специально выбрал символичное место у алтаря: смерть писателя символизирует протест *против «смерти» традиционных ценностей*.

Остановимся на ярких литературных примерах. В повести Г. Уэллса «Мистер Блетсуорси на острове Рэмполь» главный герой после сильного потрясения уходит в мир грез, полагая, что живет на острове среди дикарей. Другой сильный стресс возвращает его в реальность, однако он не чувствует радости, поскольку мир охвачен войной. Уэллс рисует внутреннее сопротивление главного героя, нежелание отвечать на вызовы и ужасы цивилизации. И он делает выбор: остров Рэмполь в его представлении так и остается самым реальным местом, проступавшим сквозь мир его иллюзий. Можно утверждать, что Г. Уэллс посредством художественной формы впервые попытался раскрыть сущность эскапизма, одна из причин которого — неприятие техногенных антигуманных ценностей реального мира, протест против аморальности общества. Вместе с тем в других произведениях Г. Уэллса («Остров доктора Моро», «Человек-невидимка») прослеживается еще одна важная для нас линия, связанная с *уходом от реальности в искусственную техногенную среду*.

Применительно к «вариантам жизни» В.Н. Дружинина эскапизм с его отказом от творческой активности аналогичен варианту «жизнь-сон», с его ощущением иллюзорности происходящего и в то же время с признанием реальности и желанности внутренней жизни [7]. Данный способ существования, отмеченный исчезновением сознания и отсутствием внутренней активности, существенно отличается от творческого способа существования, поскольку у человека отсутствует потребность к созданию чего-то нового, еще не проявившегося в мире. С.А. Рубинштейн указывает на последствия такого ухода: дематериализация бытия выражается в обособлении сущности от существования, превращении их в идеи, в образы, в представления, которые затем обращаются против бытия как бытия сущего. Бытие сущего с обособлением от него его сущности превращается в весьма проблематичное голое существование. Снятие бытия — это в самой своей глубокой основе уход, мысленное отрицание, снятие существования объективной реальности как коррелята жизни, ее потребностей, влечений, действия и в связи с этим процесс превращения «сущности» в «образы». С.А. Рубинштейн дифференцирует два пути: один путь — в глубокой форме — это путь Будды к нирване, другой — в поверхностной форме — декларационный путь Шопенгауэра [14].

Однако эскапизм как уход от социума в другое бытийное пространство может быть следствием напряженной внутренней работы, связанной с духовным поиском веры, смыслов и ценностей. Не случайно у Ф.М. Достоевского, опасавшегося «вирусного» распространения нигилистических ценностей, ключевой фигурой в «Братьях Карамазовых» становится оптинский старец Зосима, духовность которого по-особому проявляет события романа и поступки героев. Отшельничество указывает не только на неприятие ценностей и реальности «нового мира», этот способ существования косвенно свидетельствует о желании сохранить уклад старой, патриархальной среды.

А.Н. Толстой, проявлявший неподдельный интерес к странничеству и отшельничеству, в произведениях «Отец Сергей», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» раскрыл психологические причины выбора отшельничества. Известно, что сам писатель в конце жизни отказался от всяческих привилегий, собственности и тайно покинул Ясную Поляну. Попытка объяснить бегство писателя как импульсивный акт, как результат семейного кризиса представляется неверной. Полагаем, что такие писатели, как А.Н. Толстой, аккумулируют в личностно-смысловой сфере нравственные проблемы целой эпохи. Этот уход — выстраданный и подготовленный всей жизнью волевой протестный акт, вызов социуму, обосновывающий себя и целостным мировоззрением личности. Когда волевой акт исходит от человека и направляется им, такое действие, считает С.А. Рубинштейн, «становится в подлинном смысле слова поступком, в котором человек себя выявляет и которым он устанавливает свое отношение к другим» [5, с. 186]. Этот поступок можно рассматривать как зре-

лую форму протеста личности, осознанный выбор между целями, смыслами и ценностями, самодвижение к целостности личности. Сущность протестной активности и внезапность протеста можно объяснить, исходя из методологического принципа субъекта. Характеризуя субъекта как высшую целостность, А. В. Брушлинский указывает, что на качественно новом этапе его развития видоизменяется вся основная система его психических процессов и свойств, эти изменения могут происходить постепенно или немедленно [4, с. 31].

В наших работах показано, что протест проявляется в разных видах — от примитивных архаичных форм до высоких трансцендентных выражений, что свидетельствует о наличии в структуре личности латентных компонентов. Согласно структурно-эволюционной модели личности, склонной к протестной активности во взаимодействии с социумом, виды протеста, включая эскапизм, можно определять посредством анализа уровней — прото-Я, эндо-Я, Я, экзо-Я и транс-Я [5]. В представленных примерах уход определяется смысловым образованием, системой ценностей и мировоззрением в целом, а также неутрачивающей протестной активностью, протекающей на уровне транс-Я. Высший, надличностный экзистенциальный компонент транс-Я направлен на защиту, сохранение и приумножение общечеловеческих гуманистических ценностей, включая ценности культуры. Протест на уровне транс-Я выражает интенсивное стремление к самотрансценденции, выходу за собственные пределы. Обнаруженная в теоретическом анализе парадоксальная взаимосвязь протестной активности на уровне транс-Я с эскапизмом представляется гармоничной, *поскольку эскапизм соответствует определенной жизненной ситуации и выступает адекватной внешней формой, которая поддерживает протестную активность на высшем уровне и позволяет разрешить внешние и внутренние противоречия личности, сохранив аутентичность бытия.*

На наш взгляд, протестная сущность эскапизма обосновывается теоретическими положениями, раскрывающими проблему отчуждения человека от жизни. В философской концепции культуры А. Швейцера причины и механизмы бегства от реальности рассматриваются в свете отчуждения человека от культуры, в рамках враждебных культуре обстоятельств, таких как вынужденная смена профессии, места жительства, отчуждение от природы, изнурительный труд. Изматывающая сверхзанятость приводит к умиранию в человеке духовного начала, причем этот патогенный процесс начинается в детстве. В результате постоянного перенапряжения формируется потребность во внешнем отвлечении, когда единственно привлекательными становятся разнообразные способы отвлечения от реальности, не требующие духовного напряжения [23]. А. Швейцер заключает, что с понижением культурного уровня миллионов людей снижается уровень всех общественных институтов, призванных просвещать, но вынужденных поставлять свою продукцию в предельно доступной форме. Атрофия нравственных критериев вызывает непредсказуемые по сво-

им масштабам последствия. По К.Г. Юнгу, «неожиданным следствием духовного течения является то, что мир приобретает такой уродливый облик, что любить его становится невозможным. Человек не способен уже любить даже самого себя, поэтому во внешней реальности не остается больше ничего, что могло бы выманить нас из нашей собственной души» [24, с. 309].

К вопросам отчуждения обращается в своих работах Э. Фромм, который рассматривал эскапизм в рамках конфликта между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью современного человека, между стремлением быть независимым, сильным и чувством своей незначительности и бессилия. Современный человек, считает Фромм, должен сам придать смысл своей жизни, однако испытывает страх перед жизнью, свободой, независимостью. Выбирая разные виды отчуждения, позволяющие «обратить свою личность в ничто и не сознавать себя больше самостоятельным индивидом», он временно избавляется от мучительного конфликта [20, с. 131]. *Однако, сделав выбор в пользу бегства от себя и собственной творческой спонтанности, человек, хотя и преодолевает чувство своей ничтожности по сравнению с подавляюще мощным внешним миром, но отказывается от собственной целостности* [20, с. 131].

В концепции С. Мадди различные формы отчуждения связаны с экзистенциальным неврозом, утратой смысла существования. Специфичность эскапизма применительно к протестной активности раскрывается также в одной из форм «экзистенциального заболевания» — авантюризме или крусадерстве. Авантюризм — это уход от бессмысленности существования посредством выбора и участия в экстремальных видах деятельности, связанных с бессодержательным риском, опасных для жизни [26]. Этот феномен Джеймс Пайк назвал «ложным центрированием» жизни.

Крусадерство (*crusade* — крестовый поход) — идеологический авантюризм, при котором индивиды используют любой повод для того, чтобы выступить с протестом, независимо от его содержания. Участие в протестных акциях, связанное с желанием забыться, уйти от переживаний бессмысленности существования, обусловлено внутренней конфликтностью.

И. Ялом разводит мотивационную направленность протеста и крусадерства. Протест и энтузиазм по отношению к социальным переменам, по мнению автора, неправомерно рассматривать как защитный механизм, поскольку участие в протестных акциях требует много времени и сил, а в случае гражданского неповиновения, при «ответе» властей весьма опасно для жизни. В отличие от неугомонных «крестоносцев», ищущих все время новые способы применения своей активности, протестные личности, достигнув целей и удовлетворившись результатом, обычно возвращаются к повседневным делам [25]. *Протест в этом измерении — стремление к аутентичности, к подлинному бытию.*

Аналогичное утверждение мы встречаем у К. Хорни: подобная жажда деятельности служит показателем отчуждения от себя и свидетельствует об экзистенциальном вакууме. Отсюда берут начало погоня за приключениями, лихачество за рулем, интриги, сексуальные похождения. К. Хорни отмечает, что субъекты подобной активности считают «силой» своих чувств возбужденное участие в них. Но «потребность пощекотать себе нервы, возбудиться безошибочно указывает на болезненную внутреннюю пустоту. Только острые необычные стимулы могут пробудить хоть какой-то ответ у их неподвижных, инертных чувств» [21, с. 148].

Г. Ю. Фоменко, дифференцируя объектную и субъектную позиции по отношению к жизни, полагает, что в основе навязчивого увлечения экстримом часто лежит неразрешенность внутриличностных противоречий, что приводит к притуплению инстинкта самосохранения и видимости субъектной активности, т.е. характеризует условное существование [18, с. 15]. Анализируя отчуждение от жизни в терминах духовного заболевания, автор противопоставляет ему неотчужденную активность, характерную спонтанным проявлениям субъектных характеристик в соотношении с минимальной ценой [18, с. 143].

В свете концепции симулякра Ж. Бодрийяра, который обозначил современную эпоху как эру гиперреальности и симуляции, человек отчужден от самой реальности, которая подменяется ее знаками. В гиперреальности уже невозможно различить реальное и воображаемое, в ней размыты границы ранее противоположных полюсов во всех сферах жизни [1]. Для нас важен существенный нюанс: *в случае утраты чувства реальности эскапизм как уход в гиперреальность (в искусственную среду) становится типичным и повседневным способом существования.*

К этим же вопросам обращается Г. М. Маклюэн, указывающий на стремительное приближение к финальной стадии внешних расширений человека, «стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества» [11, с.]. Опасность, по Г. М. Маклюэну, представляет не расширение человека и мира до уровня информационных систем, а то, что технологии требуют одинаковости — «полной покорности и созерцательного спокойствия» [11, с. 70]. Гомогенизированный мир лишен прежней дифференцированности индивидов и их способности к «эмоциональному смещению» [11, с. 61]. Расширенная чувственная жизнь приводит к безразличию и одиночеству. Более поздние исследования подтверждают эти положения: *погружение в виртуальную реальность наносит непоправимый вред личности, кардинально меняет структуру идентичности и трансформирует процессы идентификации, вплоть до переживаний утраты самотождественности* [8].

Еще один аспект данной проблемы связан со специфическими проявлениями эскапизма — побегами из дому и бродяжничеством, которые принято рас-

сма­тривать в рамках девиантного или делинквентного поведения [9; 10; 12]. Е. В. Змановская делает важное уточнение, полагая, что девиантное поведение — это нарушение *не любых, а лишь наиболее важных для данного общества в данное время социальных норм*. Автор предлагает считать психологическим маркером девиантности страдание, переживаемое самим человеком или окружающими людьми [9]. С этой точки зрения бегство — не только протестная реакция и вызов социуму, но и выраженное отклонение от нормы, поскольку сопровождается появлением психологических «шрамов» у беглеца и вызывает сильнейший негативный эмоциональный отклик у микро- и макросоциума.

Актуализация побегов из дома приходится на подростковый возраст, а их причины, считает Г. Ниссен, связаны с кризисом авторитета — «протестом против отца». Неопределенная роль отца или его отсутствие в неполных семьях ведет к распространению этой формы протеста на все авторитеты мира взрослых [10]. В то же время исследования А. Е. Личко продемонстрировали, что побег из дома, представляя особую форму нарушения поведения, необязательно связаны с делинквентностью. Первые побег часто начинаются еще в детстве, до начала пубертатного периода. Их источником становится страх наказания или протест против чрезмерных требований. Иногда побег вызваны попустительским воспитанием или склонностью ребенка к фантазированию. Автор приводит пример массовых (около миллиона беглецов) побегов детей и подростков в США в 1972 г., причинами которых явились безнадзорность, конфликты с родителями, протест против школьных и семейных порядков, всего образа жизни, распад традиционной семьи, включающей бабушек и дедушек, бесконтрольный просмотр телепередач, заменивший межличностные контакты, нивелирующий эмоциональную привязанность к родителям [10].

Иногда бегство обусловлено эмансипационными тенденциями — потребностью в освобождении от контроля и покровительства взрослых, стремлением к свободе, самостоятельности. Но из-за личностной незрелости, нехватки жизненного опыта, противоречивости личностной сферы подросток просто не знает, как обрести свободу и что делать с приобретенной свободой.

Предиктором эскапизма может стать непопулярность в среде сверстников и отверженность, вплоть до издевательств с их стороны. Негативное самоотношение, внутренняя конфликтность и незрелость Я обуславливают различные формы психологической защиты — регрессию, примитивную изоляцию (защитное фантазирование), диссоциацию, отрицание, вытеснение и др. К. Хорни механизм ухода от людей считает одним из способов защиты от тревоги [21]. Согласно нашей модели, в протесте Я может не всегда успешно справляться с данной ролью регулятора и координатора, поскольку перегружено проблемами внутренних конфликтов и внешних ограничений, включая депривацию потребностей [5].

Исследования А. Г. Самохваловой подтверждают эти размышления: эмо-подростки, испытывающие трудности, связанные с негативными установками на другого человека, склонны к пассивно-протестному поведению и общению в виртуальном пространстве. Эскапистское поведение эмо ярко проявляется в ситуациях коммуникативных трудностей, когда они отстраняются от сверстников, замыкаются в себе, игнорируют любые просьбы и предложения, демонстрируют «поведенческий уход» от травмирующей ситуации, что свидетельствует об использовании целого комплекса примитивных и низкоуровневых защитных реакций (имитации, регрессии, компенсации, отрицания) [17, с. 256].

Полагаем, что частые неудачи в ситуациях взаимодействия с другими людьми формируют у подростка протест и желание хотя бы виртуально обрести желанный статус. Сверхценные идеи наряду с протестной активностью формируют страстное желание быть героем-победителем. Виртуальное пространство подросток считает подходящим полем для демонстрации своих способностей и протестного самовыражения. В этом случае согласно нашей модели актуализируется компонент экзо-Я, отвечающий за влияние, масштаб и самореализацию личности, структурный компонент Я, направленный на достижение жизненных благ и личностных свобод, а также эндо-Я (получение выгоды). Хакерство — это способ протестного реагирования, который придает подростку временное ощущение всемогущества и возвращает самоуважение. Эта агрессивно-скрытная форма эскапизма (с изначальным отказом от авторства) обнаруживает некоторую близость с вандализмом и граффити. Хакерство, несмотря на анонимность, всегда ориентировано на социум. Однако этот вид протеста разрушителен и бесплоден по самой своей нетворческой природе, поскольку вызывает хаос; он также наносит непоправимый вред самой личности хакера. Ложные цели при стремлении к целостности — это имманентные признаки деструктивного протеста с эскапистским уклоном, показывающие остроту и принципиальную неразрешимость внутриличностных противоречий при данном способе существования. Г. Олпорт утверждает, что «человеку, который собственную целостность видит только в противостоянии другим людям, который чувствует себя в безопасности, только подрывая безопасность других, вряд ли можно приписать значительную цель или целостность личности» [13, с. 130]. При исключительном стиле жизни, по его мнению, невозможно сохранить самоуважение, так как личная целостность тесно связана с широким кругом аффилиации.

В результате теоретического обобщения мы пришли к выводу, что эскапизм обусловлен внутренними и внешними противоречиями, с которыми сталкивается личность в различных пространствах ее бытия. Эскапизм основывается на протестной активности, проявляющейся на уровнях экзо-Я, эндо-Я, Я и транс-Я, и связан с желанием обрести свободу и аутентичный способ суще-

ствования, позволяющий достичь полной самореализации или самоисполненности (по Ш. Бюлер). Однако это желание при обособлении или противодействии обществу, уклонении от индивидуальной ответственности обречено на фиаско. Слабый контроль собственных аффектов, психическая раздробленность и безответственность с новой силой обостряют личностно-смысловые противоречия, делают несбыточной мечтой трансформацию внешней свободы во внутреннюю и приводят к деструктивной самореализации.

Теоретическое исследование специфики эскапизма в контексте протестной активности привело нас к необходимости его эмпирического анализа. *Цель исследования* — выявить многоуровневые детерминанты, обуславливающие эскапизм, его специфику, относительно протестной активности.

Гипотеза: эскапизм как специфическая форма протестной активности представляет собой сложное многоуровневое образование, затрагивающее личностный, интересубъектный, социально-психологический и ценностный уровни.

Для достижения основной цели работы были сформированы две группы испытуемых — в возрасте от 12 до 20 лет и в возрасте от 21 до 35 лет. *Выборочная совокупность исследования* составила 900 чел. разного пола.

Методический инструментарий. Диагностические батареи, раскрывающие различные аспекты протестной активности, в том числе эскапизм, включали четыре блока: блок, раскрывающий личностную ресурсность, регуляторные умения, способы совладания с жизненными трудностями; ценностно-смысловой блок, раскрывающий смысло-жизненные ориентации и преобладающие ценности личности; блок, включающий методики изучения особенностей личности; блок, диагностирующий социально-психологические характеристики.

Обработка результатов проводилась с помощью регрессионного и корреляционного анализа. Использование этих видов анализа позволило в ходе эмпирического исследования выявить связь шкалы эскапизма — одной из шкал авторской методики ППЛ (Протестное поведение личности) с различными шкалами 20 методик; в целом использовано 228 переменных.

В результате МРА шкалы эскапизм, выступавшей как зависимая переменная с 228 предикторами, получено несколько состоятельных моделей множественной регрессии. Каждая регрессионная модель имеет достоверные уровни значимости (для показателя F) и достоверно значимые стандартные коэффициенты регрессии β предикторов по *t*-критерию. В каждое уравнение регрессии включено ограниченное значимостью количество предикторов. Коэффициенты детерминации рассмотренных нами регрессионных моделей R^2 , определяющие совокупное влияние независимых переменных, колеблются

от 0,40 до 0,849, т.е. общий вклад предикторов в зависимости от модели составил от 40 до 84,5%.

Достоверно значимые результаты корреляционного и регрессионного анализа свидетельствуют о том, что эскапизм проявляется в разноуровневых противоречивых тенденциях. Наряду с самостоятельностью, желанием идти собственным путем, не ориентируясь на группу и не вовлекаясь в ее дела, эскапистской личности свойственны развитое чувство долга и ответственности, доброта, стремление к хорошим поступкам и добрым делам. *Сочетанное действие данных факторов обуславливает эмоциональную нестабильность и внутреннюю напряженность, формируя эскапизм как способ протеста.* Эскапизм означает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но не способен решить сам. В результате неприятия других, несогласия с ними, нежеланием сотрудничать и принимать помощь формируется агрессия, а затем обида. Иными словами, *у лиц с высоким уровнем эскапизма внешний конфликт (конфликт с группой) сочетается с внутрилличностными противоречиями, поскольку эти личностные особенности не способствуют успеху реализации благих начинаний.* Об этих внутренних противоречиях свидетельствуют личностные особенности — чувство долга наряду с непрактичностью, мечтательностью, склонностью к идеальному, эмоциональной нестабильности. Тревога, вызванная внутрилличностным конфликтом, вытесняется, но лишь частично, конфликт прорывается в сознание в виде неприятия себя.

Если же внутренний конфликт не вытесняется (согласно 5-й регрессионной модели), а осознается, то он проявляется вовне, и тогда появляется неудовлетворенность отношениями, чувство чрезмерной загруженности на работе, осознание трудностей, препятствующих повышению собственного статуса и возможности сделать карьеру. На фоне высокой оценки своих деловых качеств, собственного авторитета в группе актуализируется недовольство иерархией отношений. Непрактичность и склонность к идеализму заставляют обращать внимание на то, как много на работе застольных мероприятий с алкоголем и т.п., что подрывает доверие к группе, к межличностным отношениям, вызывает агрессию и приводит к эскапизму.

Следовательно, эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутрилличностный (вспомним сетаования Фауста: «Две души, увы, живут в моей груди! И одна хочет оторваться от другой»).

При поверхностном рассмотрении эскапизм выглядит как один из самых непродуктивных, неконструктивных способов разрешения проблем. Возможно, эскапизм — это реакция, указывающая на исходно низкие адаптивные возможности человека, не умеющего приспособиться к среде и одновременно разрешать свои внутренние противоречия. Тогда эскапизм следует отнести к числу таких неадаптивных действий, как реакции капитуляции, бес-

помощность и т.п. Вместе с тем эскапизм обнаруживает определенные черты сходства с нарциссизмом, но наблюдаются различия в направленности их активности: нарциссическая личность не способна заботиться о других, а эскапист о себе. Эскапист демонстрацией ухода и неучастия «наказывает» среду, а «нарцисс» при уходе демонстративно принимает только себя. Но возможна ли другая цель эскапизма? Вероятно, это попытка разорвать порочный круг двойного конфликта — внешнего и внутреннего. Если из внешнего конфликта выйти легко, поменяв среду, то внутренний конфликт гораздо сложнее разрешить. Полагаем, что именно в этих противоречиях заложены основы механизмов динамики эскапизма. В целом эскапизм отличается многоплановостью проявлений, от примитивного бегства-избегания (уровень «страусиной» позиции) до социально значимого поступка. Для реализации эскапизма надо уйти, и это не просто выход из ситуации, а уход из среды, из бытийного пространства. Поэтому факт выхода субъекта из среды как социальной системы, как правило, приводит к смене среды и изменению самого субъекта (даже в случае недостаточной осознанности причин бегства, изменение «подстегивается» уходом, самим поступком). Полагаем, что в результате ухода происходит своеобразная деконструкция бытия, а затем «перезагрузка» как среды, так и самого субъекта. Мы не случайно использовали термин «деконструкция» Ж. Деррида, согласно которому демонтаж структуры не означает регресс к простому элементу, это «идея сбора судьбы бытия, единства его назначения или отправления» [6, с. 56]. Таким образом, в отличие от нигилизма, эскапистский акт не разрушает, а подвергает реконструкции бытийное пространство.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009.
3. Большой российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2003.
4. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. *Гусейнов А. Ш.* Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2.
6. *Деррида Ж.* Письмо к японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4.
7. *Дружинин В. Н.* Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
8. *Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш.* Технологии и идентичность: Трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса. URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/9/emelin.pdf>.
9. *Змановская Е. В.* Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2004.
10. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.

11. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
12. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: учеб. пособие. М.: МЕДпресс, 2001.
13. *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.
14. *Рубинштейн С.А.* Бытие и сознание. Человек и мир. М.: Питер, 2003.
15. *Рубинштейн С.А.* Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т.2.
16. *Рубинштейн С.А.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
17. *Самохвалова А.Г.* Защитное поведение подростков в ситуациях затрудненного общения (на примере эмо-подростков) // На пороге взросления. М.: МГППУ, 2011.
18. *Фоменко Г.Ю.* Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: КубГУ, 2006.
19. *Фоменко Г.Ю.* Парадоксы субъектности при различных модусах бытия личности // Личность и бытие: субъектный подход (к 75-летию А.В. Брушлинского). М.: ИПРАН, 2009.
20. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.
21. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. СПб.: ВЕИП и БСК, 1997.
22. *Шаталова Т.И.* Англо-русский идеографический словарь. М.: Русский язык, 1994.
23. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью: сб. работ. М.: Прогресс, 1992.
24. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1994.
25. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
26. *Maddi S.R.* Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998.

Bibliography

1. *Baudrillard J.* Simvolicheskiy obmen i smert'. М.: Dobrosvet, 2000.
2. Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija. М.: Jeksmo, 2009.
3. Bol'shoj rossijskij jenciklopedicheskij slovar'. М.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2003.
4. *Brushlinskij A. V.* Psihologija sub#ekta. SPb.: Aletejja, 2003.
5. Gusejnov A. Sh. Fenomen protestnogo povedenija // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2012. № 2.
6. *Derrida J.* Pis'mo k japonskomu drugu // Voprosy filosofii. 1992. № 4.
7. *Druzhinin V.N.* Varianty zhizni. Oчерki jekzistencial'noj psihologii. М.: PER SJe; SPb.: IMATON-M, 2000.
8. *Emelin V.A., Rasskazova E.I., Thostov A.Sh.* Tehnologii i identichnost': Transformacija processov identifikacii pod vlijaniem tehničeskogo progressa. URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/9/emelin.pdf>.
9. *Zmanovskaja E. V.* Deviantologija: psihologija otklonjajushhegosja povedenija. М.: Akademija, 2004.
10. *Lichko A. E.* Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. L.: Medicina, 1983.

11. *McLuhan H.M.* Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka. Zhukovskij: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2003.
12. *Mendelevich V.D.* Psihologija deviantnogo povedenija: ucheb. posobie. M.: MEDpress, 2001.
13. *Allpor G.* Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy. M.: Smysl, 2002.
14. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie. Chelovek i mir. M.: Piter, 2003.
15. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psihologii: v 2 t. M.: Pedagogika, 1989. T.2.
16. *Rubinshtejn S.L.* Problemy obshhej psihologii. M.: Pedagogika, 1976.
17. *Samohvalova A.G.* Zashhitnoe povedenie podrostkov v situacijah zatrudnennogo obshhenija (na primere jemo-podrostkov) // Na poroge vzroslenija. M.: MGPPU. 2011.
18. *Fomenko G.Ju.* Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah: Dva modusa bytija. Krasnodar: KubGU, 2006.
19. *Fomenko G.Ju.* Paradoksy sub#ektnosti pri razlichnyh modusah bytija lichnosti// Lichnost' i bytie: sub'ektnyj podhod (k 75-letiju A. V. Brushlinskogo). M.: IPRAN. 2009.
20. *Fromm E.* Begstvo ot svobody. M.: Progress, 1989.
21. *Horney K.* Nevroz i lichnostnyj rost. Bor'ba za samorealizaciju. SPb.: VEIP i BSK. 1997.
22. *Shatalova T.I.* Anglo-russkij ideograficheskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1994.
23. *Schweitzer A.* Blagovenie pered zhizn'ju: sb. rabot. M.: Progress, 1992.
24. *Jung K. G.* Problemy dushi nashego vremeni. M.: Progress, Univers, 1994.
25. *Yalom I.* Jekzistencial'naja psihoterapija. M.: Klass, 1999.
26. *Maddi S.R.* Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998.